

**АПОЛЛОН**  
**№№2-3, 1917**

Москва  
«Книга по Требованию»

УДК 7  
ББК 85  
А76

А76      Аполлон: №№2-3, 1917 / – М.: Книга по Требованию, 2014. – 144 с.

**ISBN 978-5-458-37326-5**

Журнал "Аполлон" издавался с 1909 по 1917 в Санкт-Петербурге. Журнал публиковал материалы по истории классического и современного русского и зарубежного искусства, обзоры выставок, театральной и музыкальной жизни в России и других странах; освещал проблемы изучения и охраны памятников русского искусства. Позиции журнала определялись идеалистическими взглядами и изощрёнными вкусами литературно-художественной элиты, видевшей в революции угрозу культуре, иллюзиями о преображении мира искусством с его духовными ценностями и совершенством формы. "Аполлон" проявлял враждебное отношение и к передвижничеству, и к официально-государственному направлению. В журнале печатались сочинения И. Ф. Анненского, А. А. Блока, В. Я. Брюсова, В. И. Иванова, М. А. Кузмина, Н. С. Гумилёва, художественно-критические статьи В. А. Дмитриева, А. А. Ростиславова, Н. Н. Лунина, Я. А. Тугендхольда. В 1918 в связи с публикацией ряда антисоветских статей "Аполлон" был закрыт.

**ISBN 978-5-458-37326-5**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2014  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



## „МИНИСТЕРСТВО ИСКУССТВЪ“



В январской книжкѣ „Аполлона“ пришлось, къ сожалѣнію, посвятить всего лишь нѣсколько словъ вопросу, такъ болѣзненно взволновавшему наши художественные круги съ первыхъ дней революціи: быть или не быть „министерству искусствъ“. Слова эти были написаны подъ впечатлѣніемъ собранія у Максима Горькаго, 4 марта, когда группа наиболѣе вліятельныхъ нашихъ художниковъ опредѣленно высказалась въ пользу такого министерства (и даже немедленнаго его учрежденія) „взамѣнъ“ бывшаго министерства двора<sup>1</sup>; лозунгъ былъ данъ Александромъ Бенуа и горячо поддержанъ Горькимъ. Съ тѣхъ поръ утекло много воды. Проектъ учрежденія вѣдомства искусствъ чуть ли не явочнымъ порядкомъ (по 87-й статьѣ революціи ?) остался *in statu nascendi*. Повидимому, сами инициаторы проекта, выдержавъ бурю нападокъ довольно непріятнаго свойства со стороны ряда художественныхъ организацій, рѣшили его отложить до болѣе удобнаго времени. Но вопросъ самъ по себѣ не утратилъ злободневности. Слишкомъ больно кольнула нашъ художественно-артистическій „пролетаріатъ“ неосторожная мысль, неосторожно подхваченная печатью и нѣсколькими собраніями,<sup>2</sup> о казенномъ мундирѣ на искусство, да еще во дни

<sup>1</sup> Правда, тогда же раздались и протестующіе голоса; было, между прочимъ, указано на то, что революція не даетъ нравственнаго права случайному собранію распоряжаться судьбами искусства. Пренія затянулись, и собраніе не пришло ни къ какому рѣшенію относительно „министерства“. Въ результатѣ образовалась комисія изъ двѣнадцати лицъ (нѣсколько упрощеннымъ способомъ: Горькій читалъ имена, а присутствовавшіе поднимали руки), которой было поручено обратиться къ Временному Правительству съ предложеніемъ услугъ по охранѣ памятниковъ. Эта „комисія двѣнадцати“ кооптировала еще нѣсколько членовъ и превратилась въ дѣльных два учрежденія съ официальной санкціей, разнообразнѣйшими функциями и длинными названіями: „Особое совѣщаніе по дѣламъ искусствъ при комисарѣ надъ бывшимъ министерствомъ двора и удѣловъ“ и „Комисія по дѣламъ искусствъ, учрежденная при исполнительномъ комитетѣ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ“. Независимо отъ способа „избранія“, дѣятельность этихъ учрежденій можно только привѣтствовать. См. подробности въ „Лѣтописи“.

<sup>2</sup> Такъ, на собраніи 7 марта, устроенномъ „Институтомъ исторіи искусствъ“ гр. Зубова принята резолюція: „Въ видахъ созданія, поддержанія и развитія художественной культуры въ Россіи и объединенія художественной жизни страны, является настоятельно необходимымъ учрежденіе самостоятельнаго вѣдомства изящныхъ искусствъ“. На собраніи Академіи Художествъ, 8-го марта, тотъ же лозунгъ довольно дружно поддерживался нашими академиками. На одномъ изъ московскихъ митинговъ также была вынесена резолюція, сочувственная „особому вѣдомству“, но при этомъ москвичи оговорили, что искусство должно пребывать „свободнымъ“. Милые москвичи!

всеобщей тяги къ вольности. Первыми взбунтовались наши „лѣвые“ художники, воспользовавшись случаемъ посчитаться съ „Міромъ Искусства“ и пошумѣть на тему футуризма. Партійныя страсти разыгрались. Противъ лозунга, пущеннаго въ оборотъ Александромъ Бенуа, образовался „союзъ художественныхъ, театраль-ныхъ, музыкальныхъ и поэтическихъ обществъ, издательствъ, журналовъ и газетъ подъ наименованіемъ „Свобода искусствъ“ (цѣлая лига „полутораста обществъ“), состоялись многочисленные митинги, полились безудержныя рѣчи, словомъ — возгорѣлся тотъ безшабашный русскій споръ, который, какъ извѣстно, не щадитъ ни чувства мѣры, ни личныхъ самолюбіи. Это дало поводъ культурнѣйшему изъ предсѣдателей на одномъ изъ такихъ митинговъ (12 марта въ Михайловскомъ театрѣ), Вл. Набокову, высказать нѣсколько жестокихъ правдъ объ „антикультурности и антиэтичности, что вылѣзаетъ изъ разныхъ щелей въ минуты безвластія и судорожныхъ потрясеній“. <sup>1</sup> Впрочемъ, почтенный предсѣдатель замѣтилъ въ этой распрѣ одно беззаконіе и не обратилъ вниманія на оборотъ медали... Натискъ противъ „художественнаго вѣдомства“, вызвавшій столь некультурный водопадъ словъ, подсказанъ очень вѣрнымъ общественнымъ инстинктомъ, котораго, къ сожалѣнію, не проявили авторы проекта, „крупнѣйшіе русскіе художники“, „цвѣтъ русскаго искусства“...

Но объяснимся. Что такое „министерство искусствъ“? Съ внѣшней стороны: централизація управленія художественными учрежденіями страны (музеями, школами, театрами, охраной старины, поощрительными конкурсами и т. д.) и отсюда — неизбежный бюрократизмъ, чиновная іерархія „блюстителей искусства“. Со стороны внутренней: проведеніе государствомъ опредѣленнаго вкуса, опредѣленныхъ нормъ въ художественное строительство и, слѣдовательно, всѣхъ опека надъ искусствомъ. Другими словами — „огосударствленіе“ искусства, подчиненіе искусства политикѣ свыше, изъ центра: официальная художественная диктатура. Такова идея.

Не иначе представляетъ себѣ министерство искусствъ и Александръ Бенуа; мысль о централизаціи и бюрократизаціи искусства неоднократно высказывалась имъ и достаточно ясно. Еще пять лѣтъ назадъ, на Всероссійскомъ съѣздѣ художниковъ, онъ весьма откровенно (откровенность, мы знаемъ, самая очаровательная изъ „слабостей“ Бенуа) изложилъ свои доводы въ пользу официальной художественной диктатуры, выступивъ съ докладомъ на тему: „Чѣмъ могла бы быть Академія Художествъ въ настоящее время“. Напомнимъ эти доводы нѣсколькими цитатами.

Отвѣчая на вопросъ, почему Академія Художествъ въ данную минуту не служить „какимъ либо дѣйствительнымъ потребностямъ“ искусства, А. Бенуа говоритъ: „Академія — учрежденіе чисто государственное, казенное учрежденіе, обладающее

---

<sup>1</sup> „На мою долю выпало въ минувшее воскресенье, — пишетъ онъ въ „Рѣчи“, — предсѣдательствовать на митингѣ дѣятелей искусства... Откровенно скажу, что ничего подобнаго я не ожидалъ и что тѣ четыре (приблизительно) часа, которые я провелъ на предсѣдательскомъ креслѣ, оказались для меня поистинѣ нравственной пыткой“.

спеціальною психологією; эта психологія присуща въ одинаковой степени всему тому міру, который складається изъ чиновниковъ, то есть людей подчиненныхъ, виѣшне зависимыхъ другъ отъ друга, обязанныхъ служить не тому, къ чему ихъ влечетъ свободная мысль и свободный порывъ, а тому, что называется предписаніе и строй. Далѣе слѣдуетъ поясненіе: „Я не желалъ бы, чтобы въ моихъ словахъ нашли хоть тѣнь ироніи. Какъ все грандіозное—грандіозность чиновничьяго міра прельщаетъ меня своей внушительностью. Господа, есть большая красота въ пресловутой „бюрократіи“, лично для меня и для многихъ изъ васъ чуждая, но тѣмъ не менѣе подлинная. Есть въ бюрократіи и колоссальная сила, такая сила, съ которой не можетъ сравниться ни одна другая общественная сила. Не только на великія, но и на красивыя дѣла способна (и я бы сказалъ даже призвана) эта мощная бюрократія: стоило бы только ей познать свое назначеніе, прійти къ самосознанію, почувствовать свою душу (вездѣ курсивъ автора), найти настоящихъ двигателей, которые сумѣли бы изъ этого громаднаго инструмента извлекать всѣ заложенные въ существѣ его, но до сихъ поръ латентно въ немъ пребывающіи симфоніи“.

А. Бенуа, какъ мы видимъ, начинаетъ съ апологіи бюрократіи. Горь Академіи не въ томъ, что она бюрократична, а въ томъ, что она „многіе годы старается жить не своей жизнью“, старается казаться не казеннымъ учрежденіемъ, что бюрократія ея плоха, не отвѣчаетъ своему великому бюрократическому призванію. Сдѣлавшись окончательно казенной, съ помощью новыхъ, къ тому призванныхъ людей, Академія возродитъ искусство, исполнитъ свою мисію.

Какова же эта мисія? И тутъ Бенуа вполне послѣдователенъ. Художественная бюрократія должна „блести во всей чистотѣ такъ называемый хорошій вкусъ въ государствѣ, воспитывать хорошій вкусъ въ юношахъ и поставлять то же государство такими служителями, жрецами хорошаго вкуса“. Это не можетъ быть дѣломъ дробной, частичной инициативы одинокихъ и мелкихъ усилій. Это должно быть дѣломъ дѣйствительнаго учрежденія, такого всеохватывающаго значенія, такой матеріальной силы, которое соотвѣтствовало бы колоссальнымъ задачамъ. Иначе говоря, только официальные люди, опирающіеся на огромную мощь государства, могутъ осуществить и художественное строительство въ широкихъ размѣрахъ. Разрозненнымъ, частнымъ, общественнымъ организаціямъ это не подъ силу.

Но гдѣ же гарантія того, что „всеохватывающая мисія“ бюрократіей будетъ выполнена, что „огосударствленіе“ искусства принесетъ плоды, а не отвратительнѣйшее изъ золъ—мертвую казенщину? Бенуа самъ ставитъ и этотъ вопросъ, и отвѣчаетъ на него не менѣе ясно и, надо сознаться, удивительно „просто“. „Быть можетъ, почтенное собраніе,—оговаривается онъ въ концѣ своего доклада,—привыкшее подразумѣвать подъ казеннымъ творчествомъ непременно скуку, нѣчто тусклое въ краскахъ, банальное и черствое въ формахъ—возмутится на мой призывъ и скажетъ, что лучше не имѣть никакой Академіи и даже прямо никакого

искусства, нежели, чтобы Академія поставляла такое искусство. Господа, на это я отвѣчу только одно. Все дѣло въ людяхъ... „Люди имѣются, они налицо; они ждуть. Дайте только возможность, и передъ глазами вашими явится не скучное искусство, а развернется изумительная, быть можетъ, небывалая въ исторіи (!) дѣятельность... „Я вижу передъ собой великолѣпную машину, которая остановилась и ничему не служить; съ другой стороны я вижу людей, которые, я въ этомъ убѣжденъ, могли бы привести эту машину въ движеніе на общее благо. Для меня совершенно ясный отсюда выводъ, нужно этимъ людямъ поручить эту машину. Они то ужъ сумѣютъ съ ней справиться, они то знаютъ, какъ ею воспользоваться. Дайте еще только протянуть проводы отъ нея къ другимъ колесамъ государственнаго механизма... И тогда наступитъ эра (!), въ которой снова создадутся великолѣпія, достойныя самыхъ славныхъ страницъ прошлаго... Что же, что этой красотѣ не будетъ доставать интимной прелести, что ей будетъ присущъ извѣстный „академическій холодъ“. Развѣ этотъ холодъ портитъ лицо Рима, Версаля, Петербурга?“<sup>1</sup>

Откровенныя мысли эти были высказаны Бенуа по адресу бывшей Императорской Академіи Художествъ и, можетъ быть, въ этой редакціи и представляли какую нибудь остроту. Признаться, мнѣ очень жаль, что Академія въ то время не воспользовалась указаніями Бенуа и не смѣнила свою „плохую“ бюрократію новой, „подлинной“, „мощной“, „чувствующей свою душу“. Соблазнительная картина небывалыхъ „великолѣпій“ могла бы быть создана очень простымъ средствомъ. Но тогда Бенуа самъ назвалъ свою идею „едва ли реализуемой“ и даже считалъ нужнымъ извиниться на тотъ случай, „если она покажется утопіей, на которую не стоитъ терять времени“.

Что же произошло съ тѣхъ поръ? Революція, самая демократичная и радикальная изъ революцій міра... и Александръ Бенуа опять провозглашаетъ лозунгъ художественнаго вѣдомства, но уже смѣлаѣ: утопическая Академія превращается въ очень реальный проектъ министерства. А „люди“? Должно быть, Бенуа попрежнему ихъ „видитъ“... Одного только не видитъ Бенуа—самаго главнаго: безнравственности своей мечты. Даже удивительно, какъ онъ можетъ вѣрить въ явный софизмъ казенной диктатуры въ наши дни, на томъ основаніи, что было великолѣпно казенное искусство римскихъ цезарей, французскихъ королей, византійскихъ и русскихъ императоровъ. Неужели Бенуа такъ-таки не понимаетъ и не чувствуетъ глубокой, безконечной разницы быта и духа теперь и въ эпохи, создавшія „Форумъ, Версаль, Петербургъ? Неужели надо напоминать труизмы вродѣ того, что красота,

<sup>1</sup> Въ „Трудахъ“ съѣзда, гдѣ все это отпечатано (Г. III, стр. 92—96), запротоколено, что докладъ А. Бенуа былъ прослушанъ „съ большимъ вниманіемъ и интересомъ“, а въ концѣ засѣданія нѣсколько лицъ, „воспользовавшись отношеніемъ, проявленнымъ аудиторіей“, предложили „выразить А. Бенуа благодарность за его рефератъ—плодъ долгой работы на пользу родного искусства“. Кстати сказать, въ числѣ подписавшихъ эту „благодарность“ мы находимъ какъ разъ имена тѣхъ художниковъ, которые приняли нынче участіе въ „комисіи“ М. Горькаго.

на которую Бенуа ссылается, могла вылиться въ формы официальной величій только оттого, что тогда официальность была дѣйствительно величава, аристократична, повелительна, какъ обожествленная государственная власть, олицетворявшаяся монархами, „любимцами музъ“; что въ наше демократическое время, именно потому, что оно демократично, насажденіе могущественной бюрократіей „такъ называемаго хорошаго вкуса“—дѣло гиблое. И неправда, что есть люди, которые призваны воскрешать мертвое, какъ бы охотно ни надѣли они казенные мундиры. Господи, недаромъ же текутъ вѣка, недаромъ перестраиваются силы жизни, мѣняется духовная и матеріальная природа государства! Централизованная государственность, оставаясь силой, не является болѣе силой художественно-созидательной. Потому то и выродились бюрократическія академіи и официальные искусства всего міра.

Но вотъ для нашихъ „ретроспективистовъ“ выходитъ, что все даромъ. Быть по сему—и никакихъ разговоровъ. „Глубокое убѣжденіе“, что прежде было хорошо и что „люди есть“, питаетъ парадоксальнѣйшую изъ утопій и опаснѣйшій изъ соблазновъ. Мечты, мечты... Нѣтъ ничего невиннѣе мечтаній, даже самыхъ ложныхъ, однако—лишь въ томъ случаѣ, когда они не исполняются. Учредить министерство искусствъ не такъ хитро. Юридически и практически это вполне осуществимо (люди, дѣйствительно, „найдутся“)... но что, если отъ этого произойдетъ не польза, а вредъ для искусства, что, если это именно то, чего не надо дѣлать, дабы уберечь искусство отъ рутины и патентованнаго безвкусія, что, если государственная опека въ широкихъ размѣрахъ не создастъ „великолѣпія, достойнаго самыхъ славныхъ страницъ прошлаго“, а только помѣшаетъ развиваться частной и общественной инициативѣ, во сто кратъ, быть можетъ, болѣе призванной въ наши дни къ художественному творчеству?

Теоретическое опроверженіе какой бы то ни было идеи—задача чрезвычайно неблагодарная. Въ концѣ концовъ, всѣ идеи—неопровержимы, пока мы разсуждаемъ принципиально (горе большинству „русскихъ споровъ“ не въ томъ ли, что мы привыкли рѣшать самые жизненные вопросы отвлеченно, діалектически, принимая вдобавокъ личные склонности и пристрастія за аксіомы?). Но принципиальная діалектика въ данномъ случаѣ менѣе всего уместна. Идея централизаціи и бюрократизаціи искусства не нова. У нея своя поучительная исторія, исторія реальнѣйшихъ удачъ и неудачъ (удачъ—въ прошломъ, неудачъ—въ настоящемъ). Разсматривать ее примѣнительно къ современной Россіи надлежитъ не отвлеченно, а практически, считаясь съ указаніями живого опыта, съ примѣрами другихъ странъ, съ нашими національными особенностями, съ условіями переживаемаго времени. О всѣхъ этихъ „реальностяхъ“, по русской привычкѣ, забываютъ утописты централизаціи... Мы не сомнѣваемся, что побужденія ихъ весьма благородны, не менѣе благородны, чѣмъ бурныя выступленія „лѣвыхъ“ художниковъ, которые укоряютъ „комисію М. Горькаго“ въ „захватѣ власти“ и требуютъ созыва „художественнаго учредительнаго собора“. Но дѣло тутъ не въ благородствѣ, не въ

степени ,дѣвизны‘ и ужъ конечно не въ ,соборѣ‘ на основѣ ,всеобщаго, равнаго прямого и тайнаго‘ голосованія (какая наивность думать, что этимъ путемъ можно рѣшить всѣ ,проклятые вопросы‘ искусства!). Дѣло въ трезвой провѣркѣ выдвигаемыхъ тезисовъ и, прежде всего, въ тѣхъ фактахъ, которые даетъ изученіе другихъ демократій (ибо въ настоящее время всякую социальную проблему только и можно разсматривать ,подъ знакомъ‘ демократизма), въ особенности—Франціи, родины политическихъ идей и смѣлыхъ государственныхъ опытовъ. Чему же учить насъ Франція?

Начнемъ съ исторической справки. Въ до-революціонной Франціи вѣдѣніе искусствъ было сосредоточено въ рукахъ монарха. Первый опытъ легализаціи этого подчиненія художествъ коронѣ сдѣланъ Карломъ IX по почину Приматиче. Созданное имъ учрежденіе, ,la surintendance des bâtimens du Roy‘ (актъ почтительнаго вниманія короля къ любимому художнику), было, однако, съ юридической стороны весьма несовершенно. Централизацію управленія искусствами произвелъ собственно Кольберъ въ 1664 году, учредивъ ,la surintendance des bâtimens du Roy, arts et manufactures‘. Существованіе этого королевскаго ,министерства искусствъ‘ было прекращено постановленіемъ Учредительнаго собранія 15 іюня 1791 года. Съ 1792 по 1804 годъ управленіе искусствами находится то въ comité de l'instruction publique, то въ ministère de l'intérieur. Въ эпоху реставраціи королевская власть опять вступаетъ въ свои права, но не исполнѣ: обязанности по охранѣ искусства распределяются между короной (музеи, дворцы и мануфактуры) и тѣмъ же министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Съ 1804 по 1870 годъ управленіе искусствами теряетъ единство, подчиняясь различнымъ министерствамъ и образуя то ,бюро‘, то ,отдѣленіе‘, то ,главное управленіе‘. Третья республика отводитъ искусству мѣсто въ департаментѣ народнаго просвѣщенія. Затѣмъ, на очень недолгое время (съ 14 ноября 1881 по 30 января 1882 года), возникаетъ самостоятельное вѣдомство (ministère des beaux-arts), послѣ чего происходитъ окончательное объединеніе съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Такъ обстоитъ дѣло и сейчасъ. Во Франціи нѣтъ министерства искусствъ, а есть департаментъ искусствъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Сколько перемѣнъ послѣ великой революціи, сколько колебаній въ зависимости отъ политическаго вѣтра и отъ процесса созрѣванія демократіи! При короляхъ все было повелительно просто. Монархи являлись министрами искусства ,Божьей милостью‘, искусство мѣнялось по царствованіямъ. Свою государственную мисію при этомъ оно выполняло, поскольку соотвѣтствовало тому или другому стилю верховной власти, съ ея роскошью, придворнымъ блескомъ, воинственнымъ пафосомъ и тщеславной изысканностью (такъ же, какъ, въ болѣе отдаленныя эпохи, оно выполняло мисію религіозную, подчиняясь церковному авторитету).

Съ переходомъ власти къ выборной демократіи искусство долго не можетъ приспособиться къ государству. Съ одной стороны, демократизованная власть понимаетъ, что искусство—большая культурная сила, которая должна быть соотвѣтственно ис-

пользована (искусство же, въ свою очередь, требуетъ поддержки власти для продолженія своего бытія въ широкихъ рамкахъ). Съ другой стороны, эта власть не подготовлена къ художественной диктатурѣ и чужда, по существу, высшимъ цѣлямъ искусства, имѣющимъ очень мало общаго и съ партійной политикой, и съ полезностью для народныхъ массъ, и съ гражданской добродѣтелью. Единственная, въ концѣ концовъ, почва для духовнаго сближенія между искусствомъ и правовымъ государствомъ—идея просвѣщенія народа. Просвѣтительная роль искусства (хотя, разумѣется, для искусства эта функція второстепенна) не вызываетъ сомнѣній. *Vice versa* искусство нуждается въ просвѣщеніи, ибо никакое творчество не можетъ обойтись безъ знаній и преемственной культуры. Отсюда—естественный союзъ искусства съ вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія,<sup>1</sup> союзъ, основанный на общности не цѣлей, а взаимныхъ интересовъ. Художественное начальное преподаваніе, музеи старины, охрана памятниковъ, театр—какъ правственная школа, и т. д. все это безусловно входитъ въ кругъ государственныхъ заботъ, и сотрудничество государства въ этихъ предѣлахъ напрашивается само собою.

Къ сожалѣнію, демократическая государственность не ограничила себя въ своей художественно-просвѣтительной дѣятельности указанными предѣлами. Она пошла дальше, гораздо дальше. Въ этомъ то и заключается великое культурное недоразумѣніе XIX вѣка, котораго слѣдуетъ избѣгать намъ въ вѣкѣ двадцатомъ, на зарѣ демократической перестройки всего зданія русской культуры. Новая власть стала подражать монахамъ-меценатамъ прошлаго, забывъ о томъ, что времена измѣнились и перемѣнились источники духовно-созидательныхъ силъ.<sup>2</sup> Художе-

---

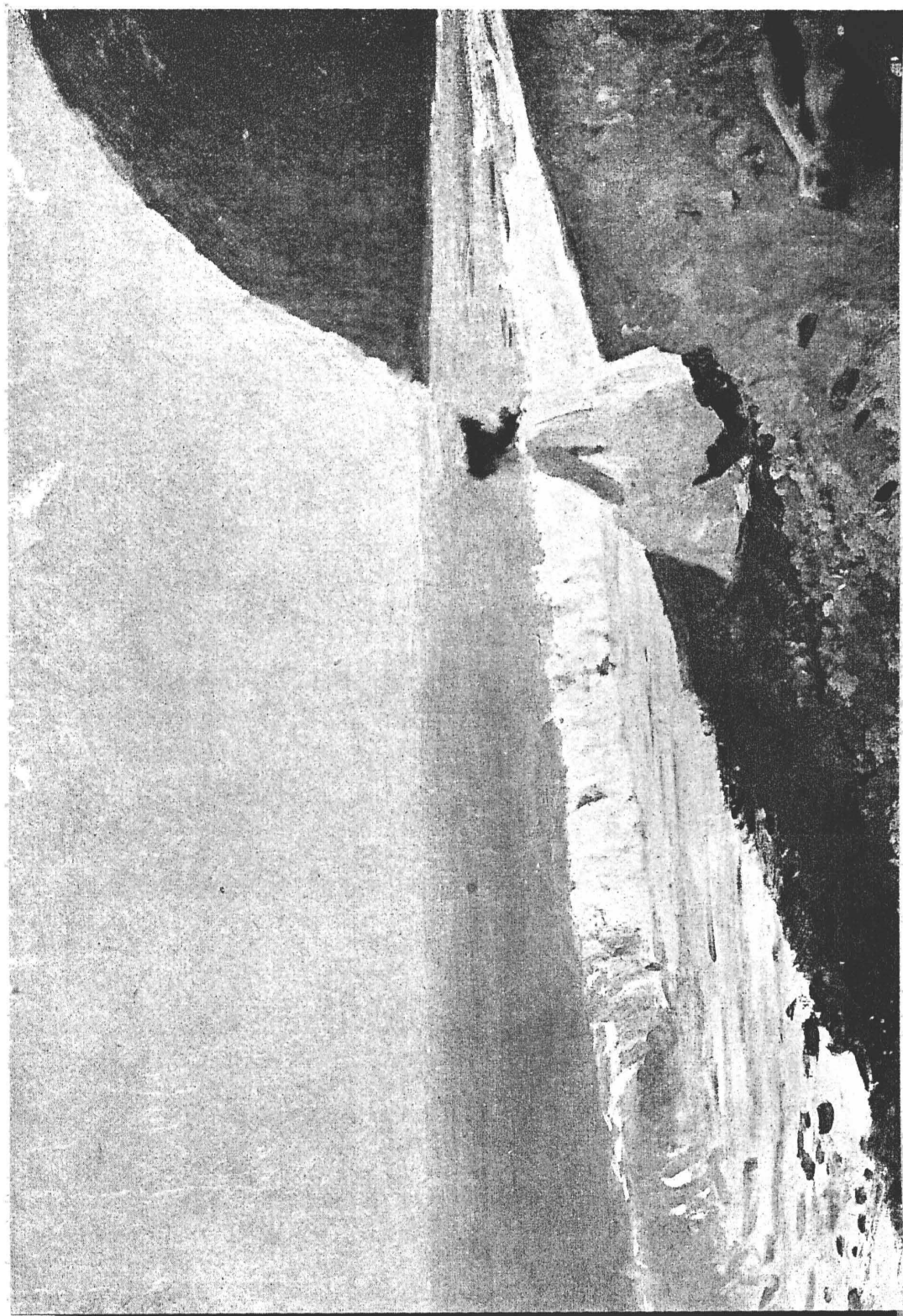
<sup>1</sup> См. статью на эту тему, въ „Русской Волѣ“ (16 марта), проф. О. Эблинскаго. Практическій выводъ его слѣдующій: „Какъ бы мы ни организовали вѣдомство народнаго просвѣщенія, оно до тѣхъ поръ останется одностороннимъ, пока не приметъ въ свое вѣдѣніе художественныя учрежденія (въ широкомъ смыслѣ) на одинаковыхъ правахъ съ научными (тоже въ широкомъ смыслѣ). Выражаясь схематически, министерство народнаго просвѣщенія должно состоять изъ двухъ основныхъ департаментовъ: департамента художественнаго и департамента научнаго просвѣщенія“. Но, конечно, почтенный профессоръ глубоко неправъ въ утвержденіи, что „въ демократическомъ государствѣ искусство имѣетъ право на существованіе постолько, поскольку оно является орудіемъ народнаго просвѣщенія“. Боже, непросвѣщенную ересь трудно вообразить. Наоборотъ, какъ бы ни было демократично государство, не является ли скорѣе просвѣщеніе „орудіемъ“ для искусства? Высшія же цѣли искусства, какъ и всего человѣческаго бытія, не такъ то легко опредѣлить.

<sup>2</sup> Какъ мы знаемъ, даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ власть продолжала оставаться въ рукахъ высшаго класса, художественно-культурная мисія его, благодаря этому перемѣщенію духовныхъ силъ, понемногу свелась на нѣтъ. Весьма характерно въ этомъ смыслѣ вырожденіе эстетическаго вкуса у современныхъ монарховъ. Если были когда то художественными центрами Версаль и Царское Село, то чѣмъ стали въ наши дни Потсдамъ Вильгельма II или Александрія Николай! Поражаютъ безвкусіемъ и такіе легендарные меценаты, какъ Людовикъ Баварскій со своимъ Hohen Schwangau и Neuschwanstein, не говоря уже объ Александрѣ III, старательно прививавшемъ въ качествѣ національнаго зодчества какую то злую карикатуру на „русскій стиль“.

ственный геній отлетѣлъ отъ правящихъ сферъ, а эти сферы продолжали считать себя Олимпомъ и развивать ‚всеохватывающую‘ дѣятельность по опекѣ искусства, реставраціямъ и всяческому насажденію ‚добраго вкуса‘, назойливо вмѣшиваясь во всѣ отрасли художественнаго строительства. Въ результатѣ получился тотъ кошмаръ офіціальнаго декаданса, отъ котораго изнываетъ демократическая Европа. Не оспаривая нѣкоторой пользы отъ такого вмѣшательства, трудно даже исчислить причиненный имъ вредъ.

Современная Франція, въ этомъ смыслѣ, примѣръ поучительный. Управление искусствами во Франціи слѣдующее. Во главѣ управленія стоитъ директоръ—*directeur des beaux-arts*, назначаемый президентомъ республики, по предложенію министра народнаго просвѣщенія. Согласно закону 5 апрѣля 1887 г. функціи управленія раздѣлены между четырьмя бюро: первое — вѣдаетъ художественными работами, выставками и мануфактурами (*manufactures nationales des Gobelins, Sèvres, Beauvais*); второе — художественнымъ обученіемъ, музеями и ‚подпиской‘ (*souscription*); третье — историческими памятниками и четвертое — театрами. Каждое изъ этихъ учреждений работаетъ подъ наблюденіемъ инспектора (*inspecteur des beaux-arts*) и подъ отвѣтственностью спеціальныхъ комитетовъ, большинство которыхъ при своемъ возникновеніи составляло подкомисіи совѣта, основаннаго еще въ 1874 г. (*conseil supérieur des beaux-arts*). Этотъ совѣтъ сначала собирался ежемѣсячно, потомъ разъ въ три мѣсяца; теперь же созывается только для присужденія ‚*prix du Salon*‘ или заграничныхъ поѣздокъ (*bourses de voyage*). Его функція—*la diffusion de l'enseignement du dessin et les règlements nouveaux d'expositions d'état*. Такимъ образомъ, французскій художественный департаментъ несетъ три обязанности: оберегаетъ прошлое искусства (историческія зданія, музеи, національныя мануфактуры), содѣйствуетъ современному творчеству (выставки, заказы, приобрѣтенія, конкурсы, театры) и обезпечиваетъ широкое развитіе искусства въ будущемъ (*diffusion de l'enseignement*). Забота о памятникахъ старины поручена особой комисіей—*commission des monuments historiques fondée par arrêté du 29 sept. 1837*. Ея обязанности: государственная охрана (*classement des monuments*), реставрація и содержаніе памятниковъ. Реставраціонныя работы выполняются архитекторами подъ контролемъ генеральныхъ инспекторовъ. Въ вѣдѣніи этой комисіи состоятъ музеи Клюни и Трокадеро. Національные музеи, возникшіе изъ королевскихъ коллекцій (Лувръ, Люксембургъ, Сень-Жерменъ, Версаль),<sup>1</sup> имѣютъ во главѣ хранителя (*conservateur*) и подчинены общему директору (*directeur des musées nationaux*), у хранителей—помощники (*conservateurs adjoints* или *attachés*); всѣ вмѣстѣ составляютъ *comité consultatif des musées nationaux*. Эти музеи, кромѣ того, представлены обычно совѣтомъ, въ который входятъ слѣдующія лица: 1) одиннадцать членовъ, назначаемыхъ на три года президентомъ республики (изъ

<sup>1</sup> Юридическое положеніе этихъ четырехъ національных хранилищъ предоставляется и коммунальнымъ и департаментскимъ музеямъ, по возбужденіи соотвѣтствующаго ходатайства.



В. А. Сиряевъ, 'Ифигенія' (масло).  
(Собрание А. А. Коровина, въ Лод.).

В. Сероффъ, 'Ифигенія' (шпатель). (Collection  
А. Коровина, Ргд.).

нихъ 2 сенатора, 2 депутата, 1 conseiller d'état, 1 conseiller-maître à la cour des comptes и 5 лицъ изъ специалистовъ и дѣятелей разныхъ отраслей искусства), 2) три члена по своему положенію—directeur des beaux-arts, directeur des musées nationaux и постоянный секретарь académie des beaux-arts.

Переходя къ государственнымъ заказамъ, приобретеніямъ и украшенію зданій, мы видимъ не менѣе стройную бюрократическую машину. Заказы и приобретения производятся министерствомъ народнаго просвѣщенія по предложенію „директора изящныхъ искусствъ“. Для устройства выставокъ съ этою цѣлью существуетъ comité des travaux d'art, состоящій изъ инспектора, „чиновниковъ изящныхъ искусствъ“ и художниковъ. Этотъ же комитетъ провѣрляетъ проекты публичныхъ зданій, выбираетъ лучшія копіи, исполненныя въ Луврѣ и Люксембургѣ, и вѣдаетъ сооруженіемъ памятниковъ. Со своей стороны „инспекторы“ наблюдаютъ за выполненіемъ работъ, заказанныхъ „администраціей изящныхъ искусствъ“, и даютъ ей указанія относительно поощренія художниковъ и помощи имъ и ихъ семьямъ. Государство печется и о писателяхъ по художественнымъ вопросамъ и о композиторахъ, даетъ имъ порученія, подписывается на известное количество экземпляровъ печатныхъ трудовъ (подписка принимается особой комиссіей—commission, dite des souscriptions aux publications d'art). Государство озабочено также централизацией художественныхъ обществъ, соединивъ департаментскія ученыя общества изящныхъ искусствъ съ обществами, ежегодно собирающимися на конгрессъ въ Сорбоннѣ. Такимъ образомъ созданъ comité des sociétés des beaux-arts des départements. Роль послѣдняго—осмотръ и принятіе работъ, присылаемыхъ делегатами обществъ, публичное разсмотрѣніе докладовъ и пр.

Государство широко развило и обученіе искусству. Изъ старой académie de peinture, основанной въ 1648 году, и académie d'architecture (1671 г.) образовалась école nationale des beaux-arts. Эта академія художествъ управляется такъ же, какъ и у насъ, совѣтомъ (conseil supérieur) и щедро примѣняетъ поощрительную систему преподаванія. Важнѣйшій конкурсъ—пресловутый prix de Rome. Художнику, получившему эту премію, открыты двери въ académie de France à Rome, и онъ освобождается отъ воинской повинности. Академія въ Римѣ управляется директоромъ; лауреаты живутъ во дворцѣ академіи три года. Ecole d'Athènes, основанная въ 1846 году для археологическихъ и филологическихъ цѣлей, включаетъ также „секцію изящныхъ искусствъ“, гдѣ счастливые избранные prix de Rome заканчиваютъ свое образованіе.

Отъ парижскаго центра простираются лучи въ провинціальныя департаменты. Въ 1880 году парламентъ ассигновалъ спеціальныя средства на écoles des beaux-arts des départements. Въ 1881 г. созданъ conseil de perfectionnement de l'enseignement des arts du dessin, вырабатывающій методы преподаванія, программы обученія рисованію, вѣдающій подготовкой педагоговъ и т. п. Десять инспекторовъ, управляющихъ своими circonscriptions, слѣдятъ за примѣненіемъ правилъ, выработанныхъ „совѣтомъ усовершенствованія рисунка“, извѣщаютъ его о нуждахъ провинціи. Право